

В. А. Шкерин, И. В. Абрамов, С. Ю. Белоруссова, Т. С. Киссер
ЭТНОЭКСПЕДИЦИЯ «УРАЛ-2014»*

УДК 39

ББК 63.52

Четвертый полевой сезон Этноэкспедиции–2014 под руководством чл.-корр. РАН А. В. Головнёва проводила исследования на Урале силами четырех отрядов. Северный отряд работал среди манси в Ханты-Мансийском округе — Югре, центральный отряд — у марийцев, татар и русских в Свердловской области, южный отряд, состоящий из двух групп, вел наблюдения среди нагайбаков, русских и башкир в Челябинской области и Башкирии. Собранные материалы анкет, интервью и бесед, визуальной фиксации еще будут обобщены, осмыслены и обнародованы в научных и научно-популярных публикациях, на фотовыставках и кинофестивалях. Здесь представлен лишь первый и весьма предварительный срез полученных данных. Воспринимая Урал как этноперекресток и очаг масштабных миграций, как место встречи народов и культур Востока и Запада, Севера и Юга, мы сосредоточим внимание на вопросах этнической самоидентификации и повседневной этнодипломатии полиэтничного региона.

Ключевые слова: *идентичность, межэтнический диалог, Урал, этнокультурное наследие, визуальная антропология, марийцы, татары, русские, немцы, нагайбаки, манси, башкиры*

В свой четвертый полевой сезон Этно-Экспедиция «Урал-2014» под руководством чл.-корр. РАН А. В. Головнёва проводила исследования на Урале силами четырех отрядов.¹ Северный отряд работал среди манси в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре; центральный отряд — среди марийцев,

татар и русских в Свердловской области; южный отряд, состоящий из двух групп, вел наблюдения среди нагайбаков, русских и башкир в Челябинской области и Башкирии. Собранные материалы анкетирования, интервью, бесед, а также визуальной фиксации еще будут осмыслены, обобщены и обнародованы в научных и научно-популярных публикациях, на фотовыставках и кинофестивалях. Здесь же представлен первый и весьма предварительный срез полученных данных. Воспринимая Урал как этноперекресток и очаг масштабных миграций, как место встречи народов и культур Востока и Запада, Севера и Юга,² мы сосредоточим внимание на вопросах этнической самоидентификации и повседневной «этнодипломатии» полиэтничного региона.

Северный отряд ЭтноЭкспедиции³ работал в Сосьвинском Приобье (Березовский район ХМАО — Югры), на территории компактного проживания манси. К началу XXI в. манси оказались в численном меньшинстве во всех крупных поселках Северной Сосьвы (Сосьва, Няксимволь, Саранпауль, Хулимсунт), хотя в середине XX в. они были доминирующим народом.

В советский период хозяйственные практики северян подверглись унификации и модернизации, произошло отчуждение территорий у

¹ О первых трех ЭтноЭкспедициях см.: Головнёв А. В., Белобородов С. А., Перевалова Е. В. ЭтноЭкспедиция «Урал-2011» // Урал. ист. вестн. 2011. № 4 (33). С. 131–135; ЭтноЭкспедиция «Урал-2012» / С. Ю. Белоруссова, М. С. Калугина, А. Е. Курлаев, А. С. Палкин // Урал. ист. вестн. 2012. № 4 (37). С. 138–143; Абрамов И. В., Киссер Т. С., Печняк В. А. ЭтноЭкспедиция «Урал-2013» // Урал. ист. вестн. 2013. № 4 (41). С. 145–149.

Шкерин Владимир Анатольевич — д.и.н., в.н.с. сектора этноистории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: shkerin_uit@mail.ru

Абрамов Илья Викторович — м.н.с. сектора этноистории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: ilya_abramov@list.ru

Белоруссова Светлана Юрьевна — м.н.с. сектора этноистории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
 E-mail: Svetlana-90@yandex.ru

Киссер Татьяна Сергеевна — старший лаборант кафедры археологии и этнологии УрФУ (г. Екатеринбург)
 E-mail: tkisser@bk.ru

* Исследование выполнено по гранту РГНФ 14-11-66601 «Этнографическая экспедиция “Уральские этнодиалоги”»

² См.: Головнёв А. В. Этничность и идентичность на Урале // Урал. ист. вестн. 2011. № 2 (31). С. 40–46.

³ Состав: руководитель И. В. Абрамов (м.н.с. ИИиА УрО РАН), С. С. Абрамова (лаборант ИИиА УрО РАН), К. А. Смирнова (студентка ист. фак. УрФУ).

коренного населения. До укрупнения колхозов в 1950–1960-х гг. поселенческая сеть Сосьвинского Приобья состояла из небольших, преимущественно мансийских, деревень. После укрупнения в основу территориального зонирования легли полиэтничные поселки, что привело к пересмотру прежних социальных статусов, границ и связей. Это выразилось, в частности, в кластеризации пространства поселений по этническому признаку. В зырянском Саранпауле манси кучно селились в местечке «Копай», прозванном так из-за землянок, где во время войны жили ссыльные калмыки; в Сосьве, где в 1930-х гг. была основана культбаза, для манси был отведен специальный квартал.

Вплоть до 1990-х гг. по облику домов легко было догадаться об этнической принадлежности их жителей. Сами за себя говорили небольшие курные избы, амбарчики на сваях (*сумьяхи*). Сегодня в Сосьве мансийские *сумьяхи* сохранились лишь в музее под открытым небом «Найотыр-Маа». Современные материалы и технологии практически обезличили дома северян. Новый участок застройки в Сосьве зовется «Ханты-Мансийском» за прямоту улиц и однотипность строений. Есть и иное объяснение: там в основном селятся манси.

Ныне сложно определить, в каком доме живет манси, а в каком — украинец. Поселок газовиков Хулимсунт, построенный в 1970-х гг., к концу века сросся с мансийской деревней Хуллом-Сунт-Павыл. Хозяин самого опрятного в «деревне» дома брал за образец дом своего начальника-немца, хотя сам он чистокровный манси. В его дворе образцовая чистота, свойственная скорее плацу, нежели традиционному мансийскому хозяйству. Он посетовал, что «деревню» зимой чистят хуже, чем «поселок», а на компрессорную станцию примут работать скорее приезжего русского или украинца, чем коренного жителя. Невозможность трудоустроиться часто воспринимается манси как дискриминация по этническому признаку. Работодатель в свою очередь указывает на недостаточную квалификацию претендентов из числа коренных жителей. Так или иначе, к сегодняшнему дню сложилась ситуация, когда манси не представлены на административных должностях сельских поселений, в которых они исконно проживают. Значительно меньше их, чем русских и коми, работает в бюджетной сфере. Разграничение компетенций и сфер влияния стало следствием существования в конкурентной среде: этничность превратилась

из абстрактного ощущения в конкретный политический инструмент. Родственные связи служат карьерным лифтом. Предприимчивые коми, составляющие большинство в Няксимволе и Саранпауле, продвигают «своих» на вакантные бюджетные должности. Манси в свою очередь пользуются преимуществами статуса КМНС, осуществляя традиционные виды деятельности на льготных условиях. Льготы, предоставляемые по этническому признаку, обладают мощным конфликтогенным зарядом, прочерчивая этнические границы даже там, где их не было, например между настоящими и «ненастоящими» (записавшимися) манси. Как отметила глава Няксимволя Т. К. Волкова (русская), «они [власти] сначала нас ссорят этими льготами, а потом спрашивают: “Какие у вас межнациональные отношения?” Что им ответить?»

Сегодня фактическая принадлежность к этнической группе определяется по ряду параметров, главным из которых является публичное поведение. Так, выглядящий как русский и говорящий по-русски мужчина воспринимается сельской общиной как манси, потому что «ведет себя как манси» и имеет мансийский круг общения. Его русский отец приехал в эти края и женился на женщине-манси. Дети не только были записаны как манси, что неудивительно из-за наследуемого статуса КМНС, но и социализировались в мансийском окружении, что случается реже. Они усвоили мансийский габитус, т. е. определенным способом реагируют на внешние раздражители, имеют специфичные схемы поведения и мышления. Даже в другом селении по Северной Сосьве, где их не знают, они будут опознаны как манси. Подобная история случилась с молодой женщиной, вышедшей замуж за манси и переехавшей из Сосьвы в Няксимволь. Коми-сообщество сочло ее манси, хотя она из смешанной семьи: отец — коми-зырянин, мать — манси. Важнее оказались другие параметры — вектор замужества и свойственная манси поведенческая модель: местные коми-зыряне в браки с манси не вступают и сохраняют дистанцию в бытовых отношениях.

Местные жители взаимно высмеивают специфические этнические черты, при этом употребление того или иного прозвища зависит от контекста. В устной речи, например, многие склоняют этноним «манси» (говоря «мансей»), однако это обращение стало столь привычным, что мало кого смущает. Зыряне

обзывают манси «шаманами», когда говорят об их пьяных шатаниях по поселку, или «хан-тами», когда хотят «подчеркнуть» особый статус титульного народа. Прозвища употребляются «кулуарно» и становятся известны другой стороне, как правило, через детей, которые выносят прозвища в публичную сферу.

*Центральный отряд*⁴ вел исследование среди марийского, татарского и русского населения Артинского и Красноуфимского округов Свердловской области. На территории Артинского городского округа проживает 75 % русских, 13 % мари, 8 % татар, в Красноуфимском округе — 62 % русских, 16 % мари, 20 % татар (данные 2013 г.). Опыт совместного проживания научил народы относиться к религиозным верованиям друг друга (мари — язычники, татары — мусульмане, русские — христиане) с уважением и тактом. Нередко здесь можно услышать: «Вера у нас разная, а бог один, только по-разному называется». Более того, приверженцы разных вероисповеданий помогают друг другу строить моленные дома или облагораживать «священную рощу» (если речь идет о мари).

Русский язык является общим и объединяющим для всех трех этнических сообществ. Его считают родным 28 % мари, еще 12 % владеют русским языком наравне с марийским. Есть мари, владеющие татарским языком. Все татары знают русский язык, но родным считают татарский. Встречаются и почти не говорящие по-русски. Мари отмечают, что полвека назад многие из них одинаково хорошо владели марийским и татарским, но использовать родной язык среди русских стеснялись. Ныне, по мнению муллы Мавляева (Артя-Шигири), ситуация иная: «Раньше едешь в автобусе, говоришь на татарском, просили говорить на русском, а теперь можно говорить на татарском, и никто не возражает». Администрация деревни Большая Тавра, состоящая в большинстве из марийцев, говорит на родном языке, вставляя в речь такие русские слова, как «паспорт», «страховое свидетельство», «домовая книга».

Русские часто выступают посредниками между спокойными, замкнутыми мари и гордыми, воинственными татарами. Те и другие соперничают между собой практически во всем. По словам главы Артинского района А. А. Кон-

стантинова, это соперничество ярко выражено в деревнях со смешанным населением. Так, «в деревне Манчаж, когда на рабочую смену заступал фельдшер-мариец, то вся больница была забита марийцами, а если татарин, то наоборот, поэтому сейчас фельдшер — русский». Мари уважают татар за то, что они сохраняют свою культуру (20 %), но считают их хитрыми (17%). У мари даже есть выражение: «Дружишь с татаринцом — имей при себе топор». Директор школы из деревни Курки укоряет коллегу: «Директор-татарин никогда не скажет, что нашел поставщика дешевле, потому что народ у них с хитринкой и всегда всё делают с выгодой». Татары со своей стороны восхищаются марийской культурой (23,3 %): «Марийцы сильно хранят свою культуру, у них каждый мужчина и женщина с детства имеют национальный костюм, а мы в своей деревне [Артя-Шигири] только сейчас начали это возрождать». Однако татары побаиваются и сторонятся марийцев, считая их колдунами и «редкостными пакостниками», говорят, что «мариец марийца ест». Мари и татары полагают, что русские, хотя и ассимилировали их народы, все же остаются их «старшими братьями». Говоря о русских, они не скупаются на похвалу. По мнению татар, русские доброжелательные (так ответили 30 % респондентов) и открытые (13 %); мари же считают, что русские — лентяи (11 %), но народ с открытой душой (35 %).

Несмотря на традиционное соперничество, многие поддерживают дружеские отношения с людьми иных национальностей. Так, у 78 % мари и 73 % татар есть русские друзья; у 41 % мари есть друзья среди татар; 46 % татар называют друзьями мари. Большинство респондентов считает, что смешанные браки связывают разные народы и дают хорошее потомство. Однако при возникновении конфликтов в смешанных семьях нередко ищут этническую подоплеку: «Мой брат, мариец, женился на русской девушке, и вскоре начались скандалы, жена упрекала его, что он не русский; они развелись; дети не считают себя марийцами». Случается, что родители выступают против браков между мари и татарами, зато они не препятствуют бракам с русскими.

Совместное проживание способствует появлению общих традиций у мари, татар и русских. Национальные праздники они привыкли отмечать вместе, утверждая, что праздник объединяет все народы. Так, в марийском Ага-Пайрем активное участие принимают татары, и, наоборот, мари с удовольствием участвуют

⁴ Состав: руководитель Т. С. Киссер (студентка ист. фак. УрФУ), Д. С. Бахарев (студент ист. фак. УрФУ), Н. Р. Фахрутдинова (студентка ист. фак. УрФУ), Д. О. Тимиряев (магистрант БелГУ).

в Сабантуе. На общем турнире косарей представители разных народов (наряду с мари, татарами и русскими) соревнуются в умении косьбы, а также представляют свои национальные кухни, песни и танцы.

Объектом исследования *первой группы Южного отряда*⁵ стала этнокультурная общность нагайбаков. В настоящее время большинство их проживает в Нагайбакском районе Челябинской области (села Фершампенуаз, Париж, Остроленка, Кассель, Астафьевский и Требия), вторая группа — в Чебаркульском и Уйском районах той же области (села Попово, Варламово, Болотово, Лягушино и Краснокаменка), и третья группа — в Оренбуржье (села Нежинское, Ильинское и Подгорное). Такое рассеяние обусловлено переводом казаков-нагайбаков в первой половине XIX в. с территории современного Бакалинского района Башкирии на земли Южного Урала (Челябинские, Оренбургские земли) для защиты Новой пограничной линии.

Отряд проводил исследования в Фершампенуазе, Париже, Остроленке, Касселе (нагайбакская группа) и в селе Попово (чебаркульская группа). При общности происхождения и этнических черт группы по-разному осознают свою этнокультурную идентичность. Чебаркульские нагайбаки после переселения оказались в плотном русском окружении. Теперь они компактно проживают только в Попово, в прочих же селах составляют меньшинство. Русские называли переселенцев из Бакалинского района «бакалами» (в переводе с татарского — «лягушатники»), что также способствовало размыванию нагайбакской идентичности. «Кто я? русская? нагайбачка? кряшенка? бакалинка? У нас вообще ничего не поймешь», — сетует жительница села Попово.

Иная картина сложилась в Нагайбакском районе, где переселенцы с первых дней и поныне живут относительно замкнутой группой. Нагайбаки компактно проживают в нескольких соседних поселках, в том числе в районном центре — селе Фершампенуаз.

За 170 лет нагайбакская группа сумела не только не растерять, но и упрочить этническую идентичность. В переписи населения 1926 г. нагайбаки числились отдельным народом, а в переписи 1939 г. они были причислены к татарам, что вызвало не единение, а, напротив, отчуждение. По сей день разговор о

сходстве нагайбаков и татар в языке и культуре вызывает у нагайбаков возмущение: «Я не татарин, это я чувствую здесь [жест указания на сердце]». Примечательно то, что именно насаждение «татарскости» вызвало всплеск и последующий резкий подъем национального движения в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

В отличие от жителей Нагайбакского района, чебаркульские нагайбаки уже в переписи 1939 г. имели возможность называть себя как татарами, так и русскими. В советское время для непризнанного народа быть «русским», учиться в русской школе и знать русский язык стало престижно. Вероятно, внутренняя удовлетворенность своим «русским» статусом обусловила индифферентность чебаркульских нагайбаков по отношению к этнокультурному движению соплеменников в постперестроечный период. Даже сегодня, имея возможность официально записываться «нагайбаками», они предпочитают традиционно называть себя «русскими», хотя в общении не отрицают своей принадлежности к нагайбакам. По воспоминаниям нагайбачки Валентины Сошниковой, при проведении Всероссийской переписи населения в 2002 г. в селе Попово лишь: «около 6–7 человек записали себя “нагайбаками”, еще 5 записали себя “кряшенами”, 2–3 человека вообще сказали, что они “бакалы”».

Сегодня у чебаркульских нагайбаков наблюдается повышение интереса к своей этнической идентичности и культуре, что вызвано, скорее всего, примером успешных соплеменников — жителей Нагайбакского района. Нагайбаки обоих районов встречаются на праздниках и этнокультурных фестивалях. Отряд ЭтноЭкспедиции побывал на фестивале кряшенской культуры «Питрау» в городе Мамадыш Республики Татарстан, где наблюдал неподдельный взаимный интерес представителей обеих групп нагайбаков. По мнению одного из нагайбакских лидеров, Александра Тептеева, организация регулярных встреч могла бы способствовать не только общению, но и «освежению» генофонда: «Нагайбаки внутри себя уже настолько смешались, что новые контакты помогли бы “обновить кровь”».

Третья группа — оренбургские нагайбаки — довольно быстро попала под влияние татар и еще в XIX в. приняла ислам. Попытки вернуть их в православие (в Нежинском в 1910 г. была построена церковь) не увенчались успехом. Ныне оренбургские нагайбаки не осознают себя самостоятельной этнокультурной группой:

⁵ Состав: руководитель С. Ю. Белоруссова (м.н.с. ИИиА УрО РАН), Н. А. Бабенкова (ст. инженер ИИиА УрО РАН), Е. А. Михалева (студентка ист. фак. УрФУ).

согласно переписи 2010 г. в области проживает всего 14 нагайбаков и 19 кряшен. Таким образом, судьбы трех групп нагайбаков заметно различаются, что показывает значимость этноисторических обстоятельств в культурной динамике.

Вторая группа Южного отряда⁶ работала на границе Челябинской области и Республики Башкортостан. Относительно многочисленное русское население появилось здесь в середине XVIII в., когда купцы И. Б. Твердышев и И. С. Мясников начали строить на берегах реки Катав металлургические заводы — Катав-Ивановский и Усть-Катавский. В дальнейшем именно наличие старожилов русского населения послужило причиной причисления Катав-Ивановского района и города Усть-Катав к челябинским территориям, тогда как с севера и юга с ними граничат башкирские земли. В ходе экспедиции исследование проводилось в городах Усть-Катав (население 23 тыс. чел., данные 2014 г.) и Катав-Ивановск (17 тыс. чел., данные 2013 г.), в деревне Бедряш Катав-Ивановского района (ок. 25 чел., из них двое башкир, одна татарка, прочие — русские) и в башкирских селах Мулдакаево (Мулдакай) Белорецкого района (мнее 200 чел., 97 % — башкиры) и Яхино (Яхъя) Салаватского района (ок. 330 чел., башкиры).

Примером добрососедства могут служить отношения жителей двух селений — русского Бедряша и башкирского Мулдакаево, — расположенных в 7–8 км друг от друга. Говоря о башкирах, как сегодняшние, так и перебравшиеся в соседние города бедряшенцы неизменно отмечают их гостеприимство, отзывчивость и душевность. Нередко от них можно услышать, что башкиры добрее русских и даже умнее: «А они, башкиры-то, наверно, нас умней — у их дома-то, видала, какие хорошие?»; «Вот тоже обидно: вот мы живем — семь километров разница, башкирский язык не изучали... Ну, маленько понимаю, чё к чему говорят, так догадываемся. А они и русский знают, и башкирский знают». Со своей стороны пожилые мулдакаевцы помнят о помощи, оказанной их односельчанам в период Великой Отечественной войны: «У них тоже были плохие люди и хорошие в Бедряше, но во время войны они нам помогли хорошо. <...> Если бы не Бедряш, то не выжить было бы».

⁶ Состав: руководитель д.и.н. В. А. Шкерин (в.н.с. ИИиА УрО РАН), В. А. Печняк (аспирант ИИиА УрО РАН), К. А. Смирнова (студентка ист. фак. УрФУ), Е. А. Коптеева (студентка ист. фак. ОмГУ), М. Т. Накишова (студентка ист. фак. УрФУ).

Устойчивости межнационального диалога, вероятно, способствовал факт почти одновременного основания Бедряша и Мулдакаево и в обоих случаях — пришлыми людьми: местные башкиры никогда не считали, что русские заняли их родовые земли. Более того, мулдакаевцы подчеркивают свои отличия от окрестных башкир: «Мы урман-кудейские» (а не катайские); «К Салавату [Юлаеву] мулдакаевские не пошли». Напротив, в беседах с башкирами Усть-Катава и соседнего Салаватского района тема отторжения их исконных земель русскими возникала часто.

При анкетировании, отвечая на абстрактный вопрос о смешанных браках, респонденты отзываются о такой практике только положительно. При обращении же к личному опыту можно получить противоположный ответ: дружба дружбой, а избранника надо искать «в своем кругу». Порой вокруг русско-башкирских или башкиротатарских семей кипят поистине шекспировские страсти: «Ну, и вышла замуж, отец сказал: “На порог не пущу”. Вот недавно отец умер, только приехала в гости»; «Моя сестренка... не нашла ничего лучшего, чем за яхинского башкира выйти замуж. До сих [пор] пожинаем». В городах отношение к таким союзам более либеральное, чем в селах. В Усть-Катаве, в окраинном районе Аул, уже несколько поколений русских живут вместе с башкирами, как и в соседней — прежде русской — Зашиханке. Тем не менее, именно в Усть-Катаве довелось услышать «зеркальные» поговорки о невестах: «Никто не взял — русский (башкир) подобрал». Также респонденты говорят, что значение национальности при выборе брачного партнера к концу советской эпохи свелось к минимуму, ныне же вновь возрастает.

В прежние годы в Бедряш на молодежные гулянья на Девичьей поляне, на Березовой и Елевой горках приезжали гости из соседних русских сел Лемеза и Анновка, но никогда не приезжали из Мулдакаево («Своих парнишков было полно...»). Подобная ситуация наблюдалась и с праздниками, но примерно с послевоенных времен башкиры стали приглашать русских на Сабантуй, где последние принимали участие в силовых состязаниях, в частности по тюркской борьбе *куреш*.

Национальные отличия русских и башкир служат почвой для возникновения взаимных насмешек и прозвищ, как правило, не публичных и довольно безобидных: «А в глубине души они нас высмеивают, мы — их. По жизни так. У них обычаи другие, язык другой». Одна-

ко длительное проживание среди людей иной национальности влечет за собой переосмысление самоидентификации и ее критериев: «Я по паспорту татарин хожу, а вырос в башкирской деревне. Какой родной язык, такой и нации». Муртаза Сунаргуков, единственный мулдакаевец, переселившийся в Бедарыш еще в 1984 г., делится размышлениями о религии: «Есть только один бог, в него и верить надо. <...> Кто исламу верит, кто — христианству. По-своему я верю в одного господ бога. Я другого не знаю. Бог для меня и для всех один».

Совместное проживание народов неизбежно актуализирует вопрос о границах «своего» и

«чужого». Этническая демаркация проявляется в признаках как внешних (в одежде, языке, архитектуре, поведении, образе жизни в целом), так и внутренних (в ценностях и нормах). Даже в условиях одинакового быта, аналогичных хозяйственных практик, сходных ценностей этническая идентичность сохраняется как инструмент социокультурного обособления. Однако за столетия межэтнического общения и культурного обмена манси и коми, марийцы и татары, русские и башкиры, нагайбаки и прочие уральские народы выработали общие этические нормы, позволяющие относительно бесконфликтно позиционировать свою этничность.

Vladimir A. Shkerin

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: shkerin_uit@mail.ru

Ilya V. Abramov

Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ilya_abramov@list.ru

Svetlana Yu. Belorussova

Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: Svetlana-90@yandex.ru

Tatiana S. Kisser

Laboratory assistant, Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: tkisser@bk.ru

ETHNOEXPEDITION “URAL-2014”

During its fourth field season of EthnoExpedition–2014 the four teams of the expedition supervised by the corresponding member of the Russian Academy of Sciences A. V. Golovnev have been engaged in research projects in the Ural. The Northern team worked with the Mansi in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra, the Central team — with the Mari, the Tatar and the Russians in the Sverdlovsk Oblast, the Southern team consisting of two groups focused on research among the Nagaibaks, the Russians, and the Bashkir in the Chelyabinsk Oblast and Bashkortostan. The materials from the questionnaires, interviews and informal conversations, as well as visual records are still waiting to be summed up, analyzed and published in the academic and popular-science publications, demonstrated in photo exhibitions and film festivals. This article gives only the first and very superficial review of the obtained data. Looking at the Ural as the ethnic crossroads and the origins of large-scale migrations, as the meeting place of the peoples and cultures of the East and the West, the North and the South we focus our attention on issues of ethnic self-identification and everyday ethno-diplomacy of this poly-ethnic region.

Key words: *identity, interethnic dialogue, the Urals, ethnic and cultural heritage, visual anthropology, Mari, Tatar, Russian, German, Nagaybaks, Mansi, Bashkirs*

REFERENCES

- Abramov I. V., Kisser T. S., Pechnyak V. A. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* (Ural'skiy istoriceski vestnik), 2013, № 4 (41), pp. 145–149. (in Russ.).
- Belorussova S. Yu., Kalugina M. S., Kurlaev A. E., Palkin A. S. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* (Ural'skiy istoriceski vestnik), 2012, № 4 (37), pp. 138–143. (in Russ.).
- Golovnev A. V. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* (Ural'skiy istoriceski vestnik), 2011, № 2 (31), pp. 40–46. (in Russ.).
- Golovnev A. V., Beloborodov S. A., Perevalova E. V. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* (Ural'skiy istoriceski vestnik), 2011, № 4 (33), pp. 131–135. (in Russ.).